

здание современной науки, не проверив и не укрепив его фундамент.

Литература

1. Булыгина, Т. В. О некоторых аналогиях в соотношении семантических и звуковых единиц / Т. В. Булыгина // Вопросы языкознания. – 1967. – № 5. – С. 76–86.
2. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. – М., 2012.
3. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – М., 1976.
4. Коршунов, Д. С. Введение в психолингвистическое моделирование чтения для лингвистов / Д. С. Коршунов. – М., 2015.

5. Кущева, О. Ю. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике / О. Ю. Кущева // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 155–156.

6. Поливанов, Е. Д. Введение в языкознание (для востоковедных вузов) / Е. Д. Поливанов. – М., 2002. (первое издание – 1928)

7. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М., 1971.

8. Солнцев, В. М. О понятии уровня языковой системы / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1972. – № 3. – С. 3–19.

9. Сусов, И. П. Языковое общение и лингвистика / И. П. Сусов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. – Калинин, 1985. – С. 3–12.

10. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1998.

УДК 82-1/-9

А. Н. Ларионова

*Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Н. В. Володина
Череповецкий государственный университет*

ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АВТОРСКОГО Я В ВОСПОМИНАНИЯХ А. А. ГРИГОРЬЕВА «МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ СКИТАЛЬЧЕСТВА»

Литература как вид искусства предполагает создание в тексте произведения художественного образа, который всегда символичен, репрезентативен; он выступает как обобщение, как представитель обширных пластов человеческого опыта, социального, психологического. Образ автора в тексте воспоминаний проявляется в образе автобиографического героя, несущего в себе черты реальной личности, факты биографии писателя, не исключая возможности художественного вымысла. В мемуарном тексте *эго* автора выступает одновременно в разнообразных смыслообразующих и структурообразующих функциях, реализуясь в различных формах *Я-Эго*, которые будут рассмотрены в данной статье.

Мемуары, А. А. Григорьев, авторское *я*, *эго*-концепция, рефлексия, память, интерпретация, художественный образ, автобиографический герой.

Literature as an art involves creation of works of art in the text of the image, which is always symbolic, representative; it functions as a generalization and representative of the vast layer of social, psychological experience. The image of the author in the text is shown as the image memories autobiographical hero, bearing the features of a real person, the facts of the biography of the writer as well as fiction. The ego of the author serves simultaneously in different semantic and structure-forming functions realized in various forms of self-ego, which will be discussed in this article in the text of the memoirs.

Memoirs, A. A. Grigoriev, author's ego, ego concept, reflection, memory, interpretation, artistic image, the autobiographical character.

Введение.

Мемуары как своеобразный «пограничный вид литературы» [3, с. 76] требуют особого подхода при анализе текста. Как отмечает А. Г. Тартаковский, «создание мемуаров может быть понято как целеустремленная деятельность личности по запечатлению опыта своего участия в историческом бытии» [8, с. 5]. Обращаясь к созданию воспоминаний, писатели стремились воспроизвести свою эпоху и определить свое место в ней. В этом желании запечатлеть основные события своего времени и черты исторических персонажей «в осязаемо-зрительном образе их неповторимого бытия» и состоит, по мнению С. В. Савинкова, «метафизическая функция мемуаристики» [7, с. 118]. Л. Я. Гинзбург особое качество «документальной литературы» видит «в той установке на подлинность, ощущение которой не покидает читателя,

но которая далеко не всегда равна фактической точности» [3, с. 10]. Она отмечает также, что «некий фермент «недоверности» заложен в самом существе жанра» [3, с. 10] и появляется он благодаря определенному углу зрения автора мемуаров, под которым он освещает произошедшее, умышленно или неосознанно умалчивая о чем-либо или даже искажая события внешнего мира. Благодаря этому, а также эстетической организации отобранного материала, «умению явления действительности провести через свою фантазию» [3, с. 457], автору удается создать художественный образ в документальном контексте.

Основная часть.

Литературный и театральный критик, поэт, переводчик, мемуарист, А. А. Григорьев, сумел запечат-

леть в своих воспоминаниях время 30–40-х гг. XIX в. и создать художественный образ автобиографического героя как непосредственного участника описываемых событий, представителя данной эпохи.

Воспоминания А. А. Григорьева «Мои литературные и нравственные скитальчества» впервые были опубликованы в 1862 г. в журнале «Время» и стали закономерным итогом его творчества, его эстетических и нравственных исканий. В заглавии произведения слово «скитальчества» присутствует с определенной целью. Для автора – это не столько перемещение в пространстве, сколько поиски своего внутреннего «я», попытка осмыслить свою жизнь.

Ключевой категорией мемуарного текста, по мнению исследователя Л. Луцевич, является авторское я, или так называемое «Я-Эго, которое проявляется в тексте весьма многообразно и разнообразно» [6, с. 35]. Для описания авторского я современные литературоведы применяют систему понятий, основанную на терминологии, заимствованной из смежных наук, таких как психология и философия. Так, исследователь Л. Луцевич выделяет несколько элементов Я-Эго, которые формируют образ авторского я в мемуарах: *я физическое, я эротическое, я психическое, я социальное, я феноменологическое*. Каждый элемент вносит свои определенные характеристики в образ авторского я: *я физическое* несет представление человека о своей физике; *я эротическое* передает сексуальные чувства, фантазии и переживания; *я психическое* сосредоточено на своей психике; *я социальное* отражает обусловленность личности социальным влиянием и ценностями, *я феноменологическое* предполагает сознательное самовосприятие, опирающееся на метод «внутреннего восприятия» (Ф. Брентано) [6, с. 35]. В комплексе они создают *я репрезентируемое*, определяемое Л. Луцевич как «устойчивый образ-представление о самом себе – своих физических, психологических, интеллектуальных, эмоциональных свойствах, своем поведении, общении с другими людьми и проч.» [6, с. 35]. Следовательно, образ авторского я в тексте воспоминаний представляет собой целую систему, комплекс элементов. Л. Я. Гинзбург, рассматривая составляющие художественного образа, называет их «типологическими формулами», принадлежащими разным сферам – биологической, социальной, психологической, делая акцент на том, что «без этих формул единственный образ аморфен, он распадается, он не имеет названия» [3, с. 18].

Кроме того, исходя из специфики повествования в мемуарном тексте, где зачастую происходит нарушение хронологического принципа повествования, стремление связать рассказ о событиях давно прошедших, так называемое «время действия» [7, с. 118], с современностью («время письма» [7, с. 118]), а также «сочетание повествования о событиях с эксплицитно выраженной <...> оценкой, т. е. сочетание повествовательности и рефлексивности» [5, с. 22], исследователи выделяют *я актуальное*, отражающее внутреннее состояние личности в том виде, в котором она существует в момент повествования; *я возможное (вероятное, воображаемое)*, передающее образ человека в его воображении, как в прошлом,

так и в сконструированном по вероятности будущему; *я идеализированное (желаемое)*, т. е. такое, каковым человек хочет себя видеть; *я зеркальное*, основанное на восприятии человеком себя таким образом, как, по его предположению, может воспринимать его другой человек [6, с. 36].

В мемуарном тексте *эго* автора выступает одновременно в разнообразных смыслообразующих и структурообразующих функциях, так как именно его переживания, рефлексия, память, интерпретация событий составляют основу произведения.

Характер самовыражения авторского я в тексте воспоминаний, по мнению исследователей, с наибольшей отчетливостью определяется в «разнообразных введениях, вступлениях, предисловиях» к мемуарам [6, с. 38]. На основании предисловия к воспоминаниям «Мои литературные и нравственные скитальчества» мы можем судить о характере репрезентации мемуарного *эго*. А. А. Григорьев написал предисловие к своим воспоминаниям, где выделил ряд существенных для его книги моментов, мотивов, стратегий. Основными особенностями самовыражения авторского я становятся:

1. *Я* – наблюдатель, свидетель произошедших событий – «Столько эпох литературных пронеслось и надо мною и передо мною» [4, с. 5]. Память *я* субъективна и ограничена, поэтому *я* делает попытку лишь «очертить эти различные эпохи» [4, с. 7].

2. *Я* – художник-реставратор – пытается оживить ряд картин из своего прошлого, так как каждая из них «глядит на меня из-за дали прошедшего отдельным органическим целым, имеет для меня свой особенный цвет и свой особенный запах <...> взываю к ним порою, и слышу и чую их веяние...» [4, с. 5].

3. Наряду с *я изменяющимся* присутствует *я актуальное*, отражающее внутреннее состояние героя в том виде, в котором его личность существует в момент повествования (*эго прошлого/эго настоящего*): «Вы вызвали меня, добрый друг на то, чтобы я написал мои «литературные воспоминания» [4, с. 5] – и тут же герой перемещается в прошлое: «Вот она, эпоха сереньких, тоненьких книжек «Телеграфа» и «Телескопа» [4, с. 5]. Таким образом, время и пространство в мемуарах разомкнуто, «за счет перевода времени в форму обозримого пространства, откуда видно и прошлое и будущее» [9, с. 358].

4. *Я* концентрирует индивидуальную память, рассказывая историю своей жизни: «Я вполне сын своей эпохи и мои литературные признания могут иметь некоторый исторический интерес» [4, с. 7]. Однако при всей индивидуальности физических, психических, интеллектуальных, эмоциональных и др. свойств и качеств, авторское я содержит в себе черты эпохальности, причем герой акцентирует на этом внимание будущих читателей: «беру себя как объекта, как лицо совершенно постороннее, смотрю на себя как на одного из сынов известной эпохи, и стало быть, только то, что характеризует эпоху вообще, должно войти в мои воспоминания; мое же личное войдет только в той степени, в какой характеризует эпоху» [4, с. 10].

5. Я рефлексирует: «все, что я на время успел почти заглушить в себе <...> поднимается в душе с неожиданною силою» [4, с. 7].

6. Я представляет уникальное экзистенциальное пространство, в котором легко перемещается из одного мира в другой: «я перенесен в другой мир <...> В этом новом мире для меня промелькнула полоса жизни совершенно фантастической» [4, с. 7].

7. Я заявляет о своей откровенности в повествовании о произошедших с ним событиях: «искренность будет полная» [4, с. 7].

Таковы функции *эго*, обозначенные А. А. Григорьевым в предисловии к воспоминаниям «Мои литературные и нравственные скитальчества». Эти, а также иные возможности самовыражения авторского *я* получают свою конкретную реализацию и развитие уже непосредственно в самом тексте мемуаров.

Воспоминания А. А. Григорьева начинаются с описания младенчества главного героя: «Родился я на Тверской; помню себя с трех или даже с двух лет, но то было младенчество <...> я хорошо помню себя и свои бессознательные впечатления» [4, с. 10]. Далее герой рассуждает о тех исторических событиях, которые оставили наиболее яркий отпечаток в его памяти, несмотря на столь ранний возраст: «Хоть и сквозь сон как будто, но очень-таки помню, как везли тело покойного императора Александра и какой странный страх господствовал тогда в воздухе» [4, с. 11]. Когда умер Александр I, автобиографическому герою было три с половиной года. Тем не менее, он уже смог ощутить на себе ту атмосферу, которая царила вокруг, запомнить ее и передать в тексте мемуаров. Таким образом, автор подчеркивает исключительность своего мировосприятия. Он по-своему выстраивает, структурирует собственное *эго* как способ постижения и объяснения своего существования в мире. Именно эта экзистенциальная исключительность и дает герою воспоминаний полное право, согласно его представлениям, писать мемуары, рассказывать о себе: «Я не могу не остановиться на одной личной черте моего раннего развития <...> Во мне необыкновенно рано началась рефлексия – лет до пяти, именно с того времени, как волею судеб мое семейство переехало в уединенный и странный уголок мира, называемый Замоскворечьем» [4, с. 10].

Детские воспоминания содержат один из ключевых образов книги – образ Замоскворечья, любовно именуемого героем «моя Аркадия». Переезд семьи с Тверской улицы, центра Москвы в Замоскворечье А. А. Григорьев представляет как подлинное начало своего духовного развития: «Воскормило меня, возлелеяло Замоскворечье. Не без намерения напираю я на этот местный факт моей личной жизни. Быть может, силе первоначальных впечатлений обязан я развязкою умственного и нравственного процесса, совершившегося со мною, поворотом к горячему благоговению перед земскою, народною жизнью» [4, с. 10]. Неслучайно автор подчеркивает простоту жизненного уклада, называя его «земским» или «земщиной». Эго-концепция мемуаров А. А. Григорьева определяется его симпатией к народу, крестьянскому быту, фольклору. Культура Замоскворечья отличалась обилием народных преданий, из уст в

уста предавались сказки и сказания, сохранялись песни и поговорки, а крестьянское происхождение жителей этого района со всей очевидностью проявлялось в повседневном укладе. В обособленной жизни Замоскворечья автобиографический герой видит чистоту национальных черт и обычаев и потому пишет о нем с особой теплотой. Идеи романтического отношения к народу пронизывают первые главы воспоминаний А. А. Григорьева («Первые общие впечатления», «Мир суеверий», «Дворня»).

Как отмечает Л. Луцевич, «ключевые образы детских воспоминаний входят в состав относительно устойчивой и в то же время динамичной системы представлений автора-мемуариста о самом себе» – *эго-концепции*, содержащей эмоциональные, оценочные, волевые, когнитивные и др. автоинтенции [6, с.37]. На основе этой системы представлений и строится взаимодействие *эго* с собой, с другими людьми, моделируется действительность.

Обращаясь к классификации элементов *Я-Эго*, созданной Л. Луцевич и заявленной нами в начале статьи, следует отметить, что *я физическое* автобиографическим героем не отражено в тексте воспоминаний. Описание своей внешности, телосложения, физических данных отсутствует в мемуарах А. А. Григорьева, ибо для этого нужен взгляд со стороны. М. М. Бахтин обратил внимание на эту проблему в работе «Автор и герой в эстетической деятельности»: «Гораздо труднее дать цельный образ собственной наружности в автобиографическом герое словесного произведения» [1, с. 32], так как «почувствовать себя самого в своей наружности, обаятым и выраженным ею, я не могу, мои эмоционально-волевые реакции прикреплены к предметам и не сжимаются во внешне законченный образ меня самого» [1, с. 33]. Следовательно, наружность автобиографического героя не может стать предметом характеристики для автора воспоминаний.

Зато психологический портрет, так называемое *я психическое*, нарисован рассказчиком с мельчайшими подробностями – воспоминания насыщены переживаниями героя. В детстве его переживания связаны с рассказами двора о мертвецах и колдуньях: «На безобразно нервную натуру мою этот мир суеверий действовал так, что в четырнадцать лет, написавшись еще, кроме того, Гофманом, я истинно мучился по ночам» [4, с. 15]. В юности бурю эмоций вызывают в герое воспоминаний литературные произведения: «Я оживал душою... я верил... я всеми отправлениями рвался навстречу к тем великим откровениям, которые сверкали в начинавшейся деятельности Островского, к тем свежим ключам, которые были в «Тюфяке» и других вещах Писемского да в ярко талантливых и симпатических набросках И. Т. Кокорева» [4, с. 43]. Литература, музыка, театр станут определяющими факторами в формировании героя как личности.

Сексуальные чувства, фантазии и переживания, т. е. *Я эротическое* также отражены в воспоминаниях. Описывая свои детские впечатления, герой говорит о сильном (и не всегда положительном) влиянии на него двора, с которой он, будучи мальчиком, проводил значительное количество времени: «Нема-

ло дурного привилось и ко мне, и привилось главным образом не в пору. Рано, даже слишком рано пробуждены были во мне половые инстинкты и, постоянно только раздражаемые и не удовлетворяемые, давали работу необузданной фантазии» [4, с. 16].

Обусловленность своей личности социальным влиянием и ценностями, так называемое *Я социальное*, автобиографический герой определяет достаточно четко: «Мне, барчонку, которого держали в хлопках (т. е. воспитывали, усиленно опекая и оберегая – А. Л.), изредка только позволяя играть в игры с дворнею» [4, с. 22]. Также рассказчик постоянно говорит о влиянии времени, эпохи на формирование своего характера. В юности автобиографический герой увлекался различными философскими течениями, например: «Трансцендентальное веяние <...> вновь охватило и увлекло меня» [4, с. 46].

Пытаясь осмыслить свою жизнь, понять себя, герой мемуаров А. А. Григорьева создает *я феноменологическое*: «Одинокостью я перерождался, – я, живший несколько лет какою-то чужою жизнью, переживавший *чьи-то*, но во всяком случае не свои, страсти – начинал на дне собственной души доискиваться собственной самости» [4, с. 43].

Выводы.

Очевидно, что самовыражение авторского *я* в мемуарах обретает значение через рефлексию, память, интерпретацию. Рефлексия важна при самопознании героем внутренних психологических актов и состояний (что осуществляется в процессе самоанализа, самооценки, осмысления событий, явлений, фактов).

УДК 81.272

Память обеспечивает накопление впечатлений и знаний о себе, о мире и осуществляет связь времен. Интерпретация значима как способ индивидуальной трактовки бытия, определенное его понимание.

Литература

1. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – СПб., 2000.
2. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Статьи о классиках. – М., 1970. – С. 427–524.
3. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – Л., 1977.
4. Григорьев, А. Воспоминания / А. Григорьев. – Л., 1980.
5. Ковачичова, О. Генологические аспекты мемуаров. Варшава 2010 / О. Ковачичова // Studia Rossica XX. Memuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, t. I, Wyd. – Warszawa, 2010. – С. 17–26.
6. Луцевич, Л. Формы репрезентации в мемуарном тексте. Варшава 2010 / Л. Луцевич // Studia Rossica XX. Memuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, t. I, Wyd. – Warszawa, 2010. – С. 38–47.
7. Савинков, С. В. Мемуаристика / С. В. Савинков // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М., 2008. – С. 118–119.
8. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи к книге / А. Г. Тартаковский. – М., 1991.
9. Фарин, Е. Введение в литературоведение / Е. Фарин. – СПб., 2004.

З. Милошевич, А. Минович

Институт политических исследований
(г. Белград, Сербия),

Е. М. Иванова

Череповецкий государственный университет

РЕФОРМА СЕРБСКОГО ЯЗЫКА ВУКА С. КАРАДЖИЧА И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Данная работа появилась в рамках научного проекта «Демократический и научный потенциал политических институтов Сербии в процессе международных интеграций» (179009), финансируемого со стороны Министерства просвещения, науки и технологического развития Республики Сербии

В статье в широком историко-политическом контексте рассматривается реформа сербского языка, которую осуществил Вук Стефанович Караджич и которая является, как и сама история сербского языка, прошедшего множество циклов дезинтеграции и фрагментации, ярким примером использования языка как инструмента политики. Именно языковая реформа Вука Караджича положила начало отделению сербского языка от русского, а также создала основу для циклической дезинтеграции сербского языка и как следствие этого – для ослабления национальной идентичности сербов.

Вук Стефанович Караджич, язык, реформа, самоопределение, национальная идентичность, языковая дезинтеграция, политика, православие, Россия.

The article considers the reform of the Serbian language carried out by Vuk Stefanović Karadžić in a wide historical and political context. This reform, as well as the history of the Serbian language which has undergone a variety of stages of disintegration and fragmentation, is a bright example of using a language as a policy tool. The language reform carried out by Vuk Karadžić initiated